

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.11>

UDC 248.3(271)(281.4)
LBC 86.37-3

Submitted: 25.05.2023
Accepted: 31.10.2023

**THE ORIGIN OF THE “JESUS PRAYER”.
A CRITIQUE OF TRADITIONAL OPINION
IN THE CONTEXT OF THE PHENOMENON OF SPONTANEOUS PRAYERS**

Viacheslav G. Patrin

Center for Training Church Specialists of the Volgograd Eparchy, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The history of Byzantine spirituality is inextricably linked with the mystical tradition of Hesychasm, in which the practice of the “Jesus Prayer” occupied the central place. Both in the patristic literature and scientific historiography, particular attention has been paid to the question of the appearance of the formula of the “Jesus Prayer”. The generally accepted opinion was and remains that the formula of the “Jesus Prayer” was compiled on the basis of the texts of the New Testament. We find this opinion in the late Byzantine literature analyzing the formula of the “Jesus Prayer”. Modern scholarly literature also contains its own line of argumentation in favor of this opinion. *Methods and analysis.* Our scholarly interest in this topic was largely motivated by disagreement with this generally accepted view. This disagreement was initially intuitive, and it took us some time to be able to express our intuition logically and factually. The main line of our argumentation is based on the attraction of the phenomenon of spontaneous prayers to the analysis of the history of the “Jesus Prayer”. *Results.* This article summarizes the work that we have done. The fallacy of the traditional scientific approach to the “Jesus Prayer” as a fixed formula compiled on the basis of the texts of the New Testament is pointed out.

Key words: “Jesus Prayer”, origin of the prayer, Egyptian monasticism, meditation on the Holy Scriptures, spontaneous prayers.

Citation. Patrin V.G. The Origin of the “Jesus Prayer”. A Critique of Traditional Opinion in the Context of the Phenomenon of Spontaneous Prayers. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 151-160. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.11>

УДК 248.3(271)(281.4)
ББК 86.37-3

Дата поступления статьи: 25.05.2023
Дата принятия статьи: 31.10.2023

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ «МОЛИТВЫ ИИСУСОВОЙ».
КРИТИКА ТРАДИЦИОННОГО МНЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА СПОНТАННЫХ МОЛИТВ**

Вячеслав Геннадьевич Патрин

Центр подготовки церковных специалистов Волгоградской епархии, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. История византийской духовности неразрывно связана с мистической традицией исихазма, в которой центральное место занимает практика «молитвы Иисусовой». Как в святоотеческой литературе, так и в научной историографии отдельное внимание было уделено вопросу появления формулы «молитвы Иисусовой». Общепринятым было и остается мнение, что формула «молитвы Иисусовой» была составлена на основе текстов Нового Завета. Это мнение мы встречаем еще в поздневизантийской литературе, рефлексировавшей над формулой «молитвы Иисусовой». Современная научная литература также содержит свою линию аргументации в пользу данного мнения. Наш научный интерес к данной теме был во многом продиктован несогласием с

данным общепринятым мнением. Это несогласие изначально было больше интуитивным, и нам понадобилось достаточно много времени, чтобы суметь выразить свою интуицию логически и фактологически. Данная статья подводит итог проделанной работы. Основная линия нашей аргументации строится на привлечении феномена спонтанных молитв к анализу истории «молитвы Иисусовой». Указывается на ошибочность традиционного научного подхода к «молитве Иисусовой» как фиксированной формуле.

Ключевые слова: «молитва Иисусова», происхождение молитвенной формулы, египетское монашество, поучение в Священном Писании, спонтанные молитвы.

Цитирование. Патрин В. Г. Происхождение «молитвы Иисусовой». Критика традиционного мнения в контексте феномена спонтанных молитв // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 151–160. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.11>

Введение. Молитва является, пожалуй, самым известным религиозным феноменом. В христианской традиции молитве отведена высокая роль действия, которое объединяет человека с Богом в вечности. В византийской духовной традиции молитвенная практика занимала важное место в жизни всех слоев общества, но наивысшее свое развитие она получила в практике византийских монахов, известной как практика «молитвы Иисусовой». Развитие данной практики шло на протяжении почти всего существования Византийской империи, начиная с рубежа IV–V вв., когда она, по всей видимости, появилась, и заканчивая XIV в., когда она стала предметом догматических споров, касающихся как ее методов, так и природы мистического «света», который созерцали монахи-исихасты. Мистические высоты христианской молитвы пленяют воображение и ум, и на этом фоне исторические исследования молитвы выглядят не столь впечатляюще. С этим мы можем связать слабую разработанность истории христианской молитвы в научной историографии. Существуют работы по общей истории христианского богослужения (одной из форм молитвы), по богословию и мистике, но общей истории христианской молитвы, или хотя бы истории византийской христианской молитвы, не написано, и, насколько мы можем оценивать ситуацию, не будет в ближайшее время написано. С чисто научной точки зрения главная проблема для написания как истории христианской молитвы в целом, так и для византийской христианской молитвы в частности, заключается в огромном количестве разнообразного материала и в отсутствии общей научной теории, которая могла бы объединить весь этот материал. Как и в случае с литургией, история молитвы пока может разви-

ваться только в контексте отдельных тем и сюжетов, одним из которых также является история «молитвы Иисусовой». Научное изучение истории «молитвы Иисусовой» имеет свою вековую традицию. В рамках исторического исследования ученые часто работают с артефактами, которые они хотят изучить объективно. В случае «молитвы Иисусовой» такими артефактами оказываются молитвенные формулы, которые сравниваются между собой, и на основании этого сравнения делаются выводы. При таком отношении к молитвенной формуле как к историческому артефакту сильно притупляется восприятие ее в религиозном контексте как основного религиозного действия, в котором сама формула вторична. Молитва как формула и молитва как действие – не одно и то же. Молитвенная формула в тексте может быть отражением действия, которое таким образом зафиксировалось, хотя само оно могло быть спонтанным или спонтанно могли быть подобраны слова. В таком случае отношение к формуле как фиксированному тексту оказывается ошибочным. История зарождения «молитвы Иисусовой» традиционно изучалась в контексте ее связи с текстами Нового Завета, однако, при этом не учитывался аспект спонтанности, что привело, по нашему мнению, к неправильным выводам и предположениям. Мы прежде всего опишем то, как развивалось современное научное представление о генезисе формулы «молитвы Иисусовой», а затем изложим наши критические замечания и предложим наше понимание того, как «молитва Иисусова» появилась. Наше исследование может быть полезным для более полного понимания религиозного характера людей ранневизантийского периода.

История традиционного мнения о зависимости «молитвы Иисусовой» от текстов Нового Завета и практики мелеи. Самое раннее высказывание о связи формулы «молитвы Иисусовой» с новозаветными текстами встречается у свт. Каллиста Ксанфопула (XIV в.), который считает, что из Нового Завета были взяты наименования Христа и их порядок для «классической» формулы «молитвы Иисусовой» («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»). Так, святитель пишет, что слова данной молитвы встречаются у апостолов Петра, Павла и Иоанна: «Один из них, как сказали мы прежде, говорит: “никто же может рещи Господа Иисуса, точю Духом Святым” (1Кор.12,3); другой: “благодать и истина Иисус Христом бысть” (Иоан.1,17), – и еще: “всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть” (1Ин.4,2); предпочтенный же другим ученикам Христовым, на вопрос Спасителя ко всем Апостолам: – “кого Мя глаголют человецы бытии”, – ответил от лица всех, блаженнейшее вводя исповедание: “Ты еси Христос, Сын Бога Живаго” (Мф.16,13.16)» [3, с. 360; 15, р. 729–732]. В дальнейшем, по мнению свт. Каллиста, святые отцы составили на основании этих апостольских наименований Христа текст самой «молитвы Иисусовой».

Современная историография по «молитве Иисусовой» начинается с начала XX в. с работы Константина Дмитриевича Попова, посвященной бл. Диадокху Фотикийскому [1; 11]. С точки зрения современной науки исследование Попова устарело, так как многие авторы и тексты, рассматриваемые Поповым, получили новую атрибуцию и датировку. В ходе анализа истории «молитвы Иисусовой» Попов оспаривает позицию Каллиста, в словах которого он увидел идею, что «классическая» формула «молитвы Иисусовой» была изначальной, хотя, нужно отметить, Каллист этого непосредственно не утверждает. По мнению Попова, изначальной формула «молитвы Иисусовой» не была фиксированной. Вопрос заимствования формул «молитвы Иисусовой» из Нового Завета Попов непосредственно не проговаривает, однако его рассуждения о молитве у прп. Марка Подвижника, где он приводит в пример молитву евангельского слепца/слепцов, говорят

в пользу такого мнения о заимствовании [11, с. 662]. Появление «молитвы Иисусовой» Попов связывает с египетским монашеством. Хотя его рассуждения при этом строились на некоторых ошибочных посылках, в целом генетическую связь практики «молитвы Иисусовой» с традицией египетского монашества можно признать бесспорной.

Попов также устанавливал связь между «молитвой Иисусовой» и христианской практикой призывания имени Иисусова [11, с. 658–659]. Эту идею в дальнейшем сделал базовым тезисом архимандрит Лев Жилле, который связал «молитву Иисусову» с иудейской практикой почитания имени Божьего [31, р. 252–253]. Рассуждения Льва Жилле идут логически в сторону мысли, что изначальной формой «молитвы Иисусовой» было простое призывание имени «Иисус» [31, р. 398]. Что касается «классической» формулы данной молитвы, Лев Жилле, подобно свт. Каллисту Ксанфопулу, считает, что она создана на основе новозаветных текстов. Жилле видит формулу этой молитвы, как синтез и модификацию двух евангельских молитв: «воплъ двух слепцов: «Сын Давидов, помилуй нас» (Мф. 9:27) и смиренную просьбу мытаря: «Боже, помилуй меня грешного» (Лк. 18:13)», которые получили приращение «Господи Иисусе Христе», встречающееся в Деяниях 16:31. В «переходе от “Господа Иисуса Христа” к “Сыну Божьему”» Жилле усматривает очень явное исповедание веры, которое, «возможно, было подсказано фразой первосвященника: «...если Ты Христос, Сын Божий» (Мф. 26:63)» [31, р. 395–396]. Бернард Шульц также посчитал «классическую» «молитву Иисусову» модификацией молитвы евангельского слепца. При этом слова «Сыне Давидов», по его мнению, были заменены христианами в древности словами «Сыне Божий» в соответствии с принципами, изложенными Оригеном и св. Марком Отшельником [29, р. 320].

Существенный вклад в изучение истории «молитвы Иисусовой» внес Ириней Осэр. В данном случае важен его подход, заключающийся в проверке мнений и идей в контексте свидетельств источников. Так, он указывает, что «если даже все элементы “Иисусовой молитвы” присутствовали в Евангелиях, и принцип, провозглашенный Оригеном, мог вдохновить христианина собрать их воедино,

придав им вероучительное значение через замену “Сыне Давидов” на “Сыне Божий”, нет ни одного документа, подтверждающего, что эта работа по сбору и исправлению была проведена в первые века» [18, р. 183]. Таким образом, хотя Осэр и не исключает абсолютно возможности заимствования слов для формулы «молитвы Иисусовой» из Нового Завета, он указывает на факт, что в текстах раннехристианского периода этому нет подтверждений.

На основании работы с источниками Осэр отвергает также идею Жилле, что «молитва Иисусова» изначально была лишь призыванием имени «Иисус». Согласно Осэру «неправильно писать: “Тот, кто хотел бы вернуться к первоначальной свободе и сосредоточиться на одном лишь Имени, отказавшись от пространной формулы, <...> вернулся бы к наиболее древней форме практики *молитвы Иисусовой*”. Для пространной формулы у нас есть фолианты документов, для одного лишь Имени – материально почти ничего, формально – вообще ничего. Правда в том, что *молитва Иисусова* далеко не напоминает результат увеличения формулы, но представляет собой результат ее сокращения; она сжимается в короткую формулу, приспособленную для “медитации”, монашеской практики *покаяния (penthos)*. И эта формула была изобретена и распространена, подобно той, о которой сообщает Кассиан, с целью достижения непрерывной молитвы» [18, р. 118]. Таким образом, согласно Осэру, в случае «молитвы Иисусовой» речь нужно вести не о расширении формулы, а об ее сокращении.

Многие взгляды, выраженные Осэром в контексте анализа истории «молитвы Иисусовой», являются крайне специфичными. Так, ученый под «молитвой Иисусовой» склонен понимать только ее развитую формулу, которая обязательно включает в себя просьбу о милости в качестве существенной ее части [18, р. 236] (даже более существенной, чем наименования Христа [18, р. 118, 235]). Такая позиция Осэра, конечно, весьма спорна и плохо согласуется с источниками. Еще одной особенностью в рассуждениях Осэра является его резкое разграничение истории «молитвы Иисусовой» от краткословных молитв по причине того, что, как выразился ученый, «не определяют древность победителей исходя из древности по-

бежденных» [18, р. 236]. Хотя Осэр также относит «молитву Иисусову» к краткословным молитвам (*jaculatoires*), историю данной молитвы он начинает только с VI в. [18, р. 237].

В рамках последующего анализа можно отметить, что Осэр, насколько мы можем судить, первым из исследователей вписывает «молитву Иисусову» в контекст монашеской практики поучения (*μελέτη*)/медитации. Эта идея в дальнейшем будет подхвачена последующими исследователями в области истории данной молитвенной практики и станет рассматриваться, как одно из обоснований того, как формула «молитвы Иисусовой» могла быть взята из евангельских текстов. Так, в середине 70-х гг. XX в. вышла серия статей известных ученых, в которых «молитва Иисусова» рассматривалась, как форма практики мелети. Пьер Аднэ в энциклопедической статье, посвященной «молитве Иисусовой», рассматривая вопрос генезиса данной практики, пишет, что «одним из лучших средств борьбы с помыслами и сохранения непрерывного памятования о Боге было *μελέτη* или медитация в ее раннем значении, а именно: обдумывание, непрерывное словесное повторение, вполголоса или негромко, формулы, подходящей для укоренения духовной идеи или спасительного чувства <...> Это мог быть отрывок из Писания, который монахи заучивали наизусть, чтобы иметь возможность его повторять, когда куда-то шли или занимались рукоделием <...>, или какое-то “изречение” Отцов или текст, взятый из духовного произведения <...>, это могла быть фраза, которую человек сформулировал сам <...>. Особой формой медитации-повторения – возможно, самой эффективной – была практика коротких и частых молитв» [14, р. 1128]. «Классическую» же формулу «молитвы Иисусовой» Аднэ считает «развитием молитвы *Kyrie eleison* и комбинацией реминисценций из различных отрывков Нового Завета» [14, р. 1126–1127].

Практически идентичные идеи с Аднэ высказывает также Антуан Гийомон, находя корни монашеской практики мелети в Ветхом Завете. Он пишет, что «глагол *meletan* в Септуагинте – которому соответствует *meditari* в Вульгате – чаще всего переводит еврейское *hâgâ*; этот термин обозначает чтение Книги

Закона вполголоса, с прилежанием и преданностью, упражнение, которое благочестивый еврей усердно выполнял “ночью и днем”. “Медитация” монахов является частью этой традиции. Это было занятие, совершаемое вслух, как и уединенное чтение у древних <...>. Данная практика состояла в постоянном повторении одной и той же формулы, которая могла быть спонтанной, навеянной глубоким чувством сострадания; но чаще всего она бралась из Писания, обычно сведенная к простому стиху <...>. Таково происхождение так называемой “Иисусовой молитвы”, которая практиковалась в Египте в VIII веке, о чем свидетельствует коптская надпись, найденная в Келлии, и значительно распространилась в греческом и славянском христианстве вплоть до наших дней; она состоит из непрерывного чтения молитвы мытаря в Евангелии от Луки 18:13: “Господи Иисусе (в евангельском тексте заменено на “Бог”), помилуй меня, грешного” [17, р. 289–290].

Другой авторитетный специалист в области раннего монашества, Люсьен Ренье, сохраняет за *μελέτη* его специализированное значение поучения в Священном Писании и считает, что на базе этой практики появилась практика повторения коротких молитв: «Хотя собранные нами свидетельства не позволяют нам утверждать, что эта [краткословная] форма молитвы существовала повсеместно и с самого начала в египетских монашеских кругах, тем не менее, мы можем сказать, что она уже существовала, неявно содержась в *мелети*, том размышлении над текстами Писания, которые, по большей части, сами по себе не были формально молитвами, но которые легко могли и часто должны были стать таковыми благодаря тем мыслям, которые они поддерживали в уме и сердце монаха» [26, р. 480].

Можно сказать, что три вышеупомянутых автора (Аднэ, Гийомон и Ренье) сформировали общую научную позицию о том, как происходил генезис практики «молитвы Иисусовой», и последующие ученые исходили в своих рассуждениях из этой позиции, не подвергая ее критике. Так, Антонио Риго, на данное время ведущий специалист в области истории «молитвы Иисусовой» византийского периода, в обзорной статье по истории «мо-

литвы Иисусовой» включает короткие молитвы наряду с текстами из Св. Писания в практику мелети, при этом тексты коротких молитв, по его мнению, также были взяты из Писания [28, р. 247–248]. В конце XX в. к теме истории «молитвы Иисусовой» обратились отечественные исследователи Василий Миронович Лурье [4, с. 48–50, 68–69, 101; 7, с. 385, 410–411] и Алексей Георгиевич Дунаев [5, с. 245–301]. В вопросе генезиса «молитвы Иисусовой» они остались в рамках сложившейся парадигмы, рассматривая практику «молитвы Иисусовой», как развитие практики мелети, а формулу «молитвы Иисусовой» считая неким развитием упомянутых уже евангельских молитв. В.М. Лурье дополнил аргументацию в пользу развития «молитвы Иисусовой» из практики мелети ссылкой на апофтегму аммы Феодоры из «Митирикона» аввы Исайи (XI в.), в которой по отношению к «молитве Иисусовой» употреблено понятие мелети [7, с. 411]. В.М. Лурье полагает возможным считать, что данная апофтегма принадлежит той самой старице, которая жила в IV веке.

Критика традиционного мнения.

Нам будет сложно восстановить, с чего именно началось наше сомнение в традиционном понимании генезиса «молитвы Иисусовой». Можно только отметить работы, которые оказали на нас значительное влияние в данном вопросе – это уже упоминаемая выше работа о «молитве Иисусовой» Ириней Осэра и в особенности классический труд Фридриха Айлера «Молитва», в котором он уделил большое внимание теме спонтанных молитв [19, р. 39–165]. Прежде чем перейти к теме спонтанных молитв, рассмотрим логику, которая лежит в основании идеи о заимствовании формулы «молитвы Иисусовой» из текстов Нового Завета. Отправной точкой является очевидное сходство текстов, из чего делается вывод о наличии влияния одного текста на другой. Далее, в связи с тем, что текст Нового Завета хронологически более древний, он идентифицируется как тот, который оказал влияние на более поздний текст. Дополнительными факторами, которые подкрепляют эту идею, служит авторитет новозаветных текстов как Священных, и наличие у египетских монахов, в среде которых зародилась практи-

ка краткословных молитв, практики поучения в Священном Писании. Все указанные факты верны, но неверны выводы.

Прежде всего сходство текстов не обязательно указывает на непосредственное влияние одного текста на другой, особенно если речь идет о каких-то общеупотребительных конструкциях. К сожалению, в рассуждениях ученых этот аспект просто опускается, в чем мы склонны видеть определенную культурную особенность современного человека. Так, одним из факторов, который вызвал у нас скептическое отношение к идее заимствования, было обнаружение как в среде простых верующих, так и ученых стереотипного отношения к молитве, как к некоей фиксированной формуле. Эта установка, по сути, лежит в основании того, почему для формулы «молитвы Иисусовой» стали искать письменный первоисточник, и схожие тексты Евангелий были восприняты, как эти самые источники. Феномен восприятия современными верующими молитвы как неких фиксированных текстов – это отдельная тема, но анализ ранней христианской молитвенной практики показывает, что ранним христианам была свойственна молитвенная импровизация, которая касалась не только частных молитв, но и богослужебных. Так, Тертуллиан в своей Апологии пишет относительно молитв христиан, что они молятся без подсказчика, ибо молятся от души [12, с. 163; 30, р. 504]. В Дидахе после описания того, что нужно говорить во время Евхаристии, добавляется: «Пророкам же предоставьте благодарить, сколько хотят» [13, с. 54; 21, р. 182]. Решение Карфагенского Собора 397 г., запрещающее в молитвах именовать «Отца вместо Сына и Сына вместо Отца» и предписывающее адресовать молитву, совершаемую перед алтарем, Отцу [16, р. 333], указывает, что такая молитвенная импровизация во время богослужения имела место и в конце IV века. Таким образом, практика «молитвы Иисусовой» появилась в период, когда у людей не было еще наших современных стереотипов относительно молитв и их фиксированности, поэтому сам подход к «молитве Иисусовой», как изначально фиксированному тексту оказывается культурным анахронизмом. Более того, текст «молитвы Иисусовой» сохранил это качество и в дальнейшем, по-

этому «классическая» формула даже в период византийского исихазма была не единственной [27], а по отношению к самой «классической» формуле допускались модуляции, как об этом пишет свт. Каллист Ксанфопул, что «преуспевшие и совершенные о Христе, каждым из сих воззваний одним: “Господи Иисусе; Иисусе Христе; Христе Сыне Божий” или даже только возгласием: “Иисусе”, довольны бывают» [3, с. 361; 15, р. 732].

Если вернуться к вопросу о схожести формулы «молитвы Иисусовой» и молитв из Нового Завета, то схожесть данных молитв состоит в том, что они являются короткими молитвами, адресованными к Христу с просьбой о помощи или помиловании. Если обратиться к контексту, в котором данные евангельские молитвы были произнесены, мы обнаружим, что имеем дело со спонтанными молитвами, и схожесть «молитвы Иисусовой» с евангельскими молитвами может быть вполне объяснима характером данных молитв. Айлер особо выделял спонтанный тип молитв, считая их необработанность выражением глубинной, базовой религиозности. Это уровень простой речи, в которой мы не занимаемся долгим обдумыванием и подбором слов, но слова просто и свободно выражают внутренние переживания человека [19, р. 52]. Евангельские молитвы были сказаны людьми в сложной ситуации, это было спонтанное, глубоко искреннее обращение ко Христу за помощью. Такие молитвы всегда немногословны и состоят, как правило, из наименования адресата и просьбы [19, р. 54].

Нужно отметить, что с применением понятия «спонтанная» к «молитве Иисусовой» есть очевидные терминологические сложности, так как нельзя сказать, что в практике «молитвы Иисусовой» само молитвенное действие является спонтанным. В данном случае, на наш взгляд, важно различать молитву как действие и молитву как текст. Неспонтанное молитвенное действие может быть выражено в свободных выражениях, которые обладают определенной степенью спонтанности. Таким образом, хотя и не во всех смыслах, характеристика спонтанности остается приложимой также в данном случае. В целом с подбором определения для «молитвы Иисусовой» существуют проблемы в русском язы-

ке. У прп. Иоанна Лествичника по отношению к «молитве Иисусовой» употреблено определение *μονολόγιστος* [20, col. 889 d], которое традиционно переводится на русский язык как «краткословная». Однако понятие «краткословная» не выражает того смысла, который содержит греческое понятие. Здесь можно обратиться к творениям прп. Марка Подвижника, у которого понятие *μονολόγιστος* употребляется по отношению к простому помыслу, который сам по себе еще не является грехом [6, с. 116–117; 24, р. 366]. Грех появляется тогда, когда начинается некое рассуждение над помыслом. Таким образом, можно сказать, что молитва *μονολόγιστος* – это молитва, сказанная просто, без особых размышлений над содержанием. Апофтегма Макария 19 (в Древнем патерике Гл. 12, 11) наглядно иллюстрирует такую форму молитвы: «Некоторые спросили авву Макария: как нам должно молиться? Старец отвечает им: не нужно многословить (*βαττολογεῖν*), а должно воздеть руки и говорить: Господи! Как Тебе угодно и как знаешь, – помилуй! Если же нападет искушение: Господи, помоги! Он знает, что нам полезно, и поступает с нами милосердно» [2, с. 273; 23, р. 214, 216]. В данной апофтегме прп. Макарий на вопрос ученика о том, как ему молиться, рекомендует воздержаться от пространной импровизации (у монахов была практика продолжительных молитв в виде псалмопения, и здесь явно критикуется не эта практика) и в качестве примера приводит две короткие молитвы. Такие молитвы можно назвать простыми, безыскусными. Они близки к спонтанной молитве по своей формулировке, хотя и говорились вполне осознано.

В рамках анализа генезиса «молитвы Иисусовой» необходимо учитывать, что спонтанность в формулировках имеет свои ограничения и опирается на языковые возможности и на культурный контекст. Так, в спонтанной молитве используются наиболее привычные наименования адресата молитвы. Их количество вместе с перечнем основных просьб и определяет диапазон различий спонтанных формул. Основных наименований Христа немного, и все они в той или иной комбинации использовались в формулах «молитвы Иисусовой». Также можно отметить, что если во время жизни Христа Его наименование «Сын

Давидов» было референтным, то в IV–V вв. в контексте христологических споров референтным уже было наименование «Сын Божий», поэтому оно и использовалось в молитвах. Основных просьб было две: помоги и помилуй. Маловариативность наименований адресата молитвы и просьб неизбежно будет иметь следствием схожесть простых молитвенных формул. В случае с «молитвой Иисусовой» нам известны следующие формулы, относящиеся к V–VI вв.: «Иисусе, помоги мне», «Сыне Божий, помоги мне», «Сыне Божий, помилуй мя», «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», «Иисусе, помилуй меня; Иисусе, помоги мне; благословлю тебя, Боже мой» [9, с. 176]. Диапазон различий между евангельскими спонтанными молитвами ко Христу и формулами «молитвы Иисусовой» вполне соответствуют специфике таких безыскусных молитв, и параллели между новозаветными текстами и формулой «молитвы Иисусовой», которые установил свт. Каллист в рамках своего литературно-фразеологического анализа, вполне вписываются в природу таких простых молитв.

Теперь коснемся идеи о связи «молитвы Иисусовой» с практикой поучения (мелети) в Священном Писании и вопроса влияния на формулу «молитвы Иисусовой» евангельских текстов. В большинстве случаев в период раннего монашества термин *μελέτη* имел четкую связь с поучением в Св. Писании [25]. Однако существительное *μελέτη* и глагол *μελεῖν* также часто использовались в контексте других форм духовных упражнений: молитва, размышление о страхе Божьем [22, р. 151], а также могли применяться и по отношению к дурным помыслам [25, р. 694]. Такое широкое применение данного термина говорит о том, что *μελέτη* – это прежде всего не столько практика, сколько форма ментального поведения, выраженного в заикливании внимания на какой-то мысли или предмете, и монахи наполняли эту естественную форму ментального поведения необходимым содержанием (текст Св. Писания, молитва, духовное переживание) или же, другими словами, применяли эту естественную форму поведения к различным духовным предметам и практикам. Таким образом, повторение молитвы было молитвой, а повторение текстов Св. Пи-

сания – поучением в Св. Писании, а не какой-то единой практикой медитации-поучения. На основании источников нельзя сказать, что применение техники повторения по отношению к коротким молитвам появляется позже повторения текстов Св. Писания. Поэтому, на наш взгляд, некорректно говорить, что практика краткословных молитв в целом и «молитвы Иисусовой» в частности развилась из практики поучения (μελέτη) в Св. Писании.

Касательно мнения, что формула «молитвы Иисусовой» была составлена на основе евангельских молитв ко Христу, в ходе практики поучения в Священном Писании, серьезным аргументом против этой идеи является факт, что в текстах египетской монашеской традиции, с которой связано появление практики «молитвы Иисусовой», Евангелия не упоминаются в качестве текстов, используемых для практики поучения (практику поучения в Священном Писании следует отличать от других практик, связанных со Священным Писанием, таких как заучивание или повторение пространственных текстов, а также от припоминания цитат для опровержения помыслов [25]). То есть чисто технически формулы для «молитвы Иисусовой» не могли быть выведены из текстов евангельских молитв в ходе практики поучения в Писании, так как евангельские тексты по какой-то причине для этого не использовались. Генетическая связь между «молитвой Иисусовой» и практикой опровержения (ἀντιρρητικός) помыслов является, по нашему мнению, более возможным вариантом, но саму практику опровержений тоже нельзя сводить только к использованию текстов из Священного Писания. Монах, например, мог прибегнуть к молитве, которой научил его старец, как в приведенной выше апофтегме Макарий 19. Кроме того, важно отметить, что вариативность формул «молитвы Иисусовой» также не вписывается в то, как монахи относились к текстам молитв, взятым из Священного Писания. Такие тексты повторялись без импровизаций, а любая неточность воспринималась негативно, как об этом свидетельствует одна из апофтегм Древнего патерика (Гл. 20, 9) [2, с. 452–453]. В случае же «молитвы Иисусовой» таких ограничений не наблюдается. Говорить о воздействии Евангелия на «молитву Иисусову» все же мож-

но и нужно в общекультурном контексте. Новый Завет как таковой является культуурообразующим текстом, который формирует основные смыслы, идеи и понятия. Поэтому Евангелие, безусловно, влияло на монахов, которые практиковали краткословную «молитву Иисусову». При этом для формулирования простой молитвы ко Христу им совсем не обязательно было использовать текст Писания, так как они могли вполне ее выразить своими словами.

Заключение. На основании вышеизложенных замечаний можно сказать, что изначально «молитва Иисусова» появилась в виде разнообразных, простых, свободно формулируемых коротких формул-фраз в контексте практики краткословных молитв. В дальнейшем в ходе письменной передачи практики текст молитвы стал фиксироваться и унифицироваться, при этом полной фиксации и унификации формулы не произошло. «Классическая» формула «молитвы Иисусовой» вобрала в себя основные наименования Христа. По всей видимости, это уже был сознательный процесс, поэтому данную формулу можно назвать отредактированным текстом, основой для которого послужили простые молитвенные формулы, в число которых можно включить и евангельские молитвы. Относительно того, как и почему наименования Христа вошли в практику краткословных молитв, можно предположить, что это произошло тогда, когда молитвы Богу стали интенционально адресоваться Христу, Сыну Божьему, то есть сами молитвы стали христонеправленными (Джеймс Вейллингтон описывает такую христонеправленность на примере аввы Евагрия [32]). О такой тенденции писал еще Ориген в III в., критикуя ее [8, с. 57–62; 10, с. 345–348]. В IV–V вв. в результате христологических споров была обоснована корректность такой молитвенной христоцентричности, и на такую переориентацию на Христа косвенно указывают приведенные выше слова из решений Карфагенского Собора 397 года. В данном случае спонтанные формулировки в практике краткословных молитв просто эксплицитно выразили и закрепили эту общую христонеправленность, и сама практика «молитвы Иисусовой» стала естественным выражением этой утвердившейся интенциональной религиозной направленности на Христа.

REFERENCES

1. Diadokh Fotikiyskiy. Podvizhnicheskoe slovo [Diadochos of Photiki. On Spiritual Knowledge and Discrimination]. *Dobrotolyubie. V 5 t. T. 3* [Philokalia. In 5 Vols. Vol. 3]. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyria, 2010, pp. 10-72.
2. *Drevniy Paterik, izlozheniyy po glavam* [The Book of the Elders: The Systematic Collection]. Moscow, Pravilo very Publ., 2003. 496 p.
3. Kallist Ksanfopol. Nastavlenie bezmolstvuyushchim [Callistus Xanthopoulos. Century]. *Dobrotolyubie. V 5 t. T. 5* [Philokalia. In 5 Vols. Vol. 5]. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyria, 2010, pp. 298-407.
4. Lurié V.M. *Prizvanie Avraama* [The Calling of Abraham]. Vol. 1. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2000. 250 p.
5. Makariy Egipetskiy, Ven. *Dukhovnye slova i poslaniya* [Macarios the Great. The Spiritual Homilies and Letters]. Mt. Athos; Moscow, s.n., 2015. 1146 p.
6. Mark Podvizhnik, Ven. *Asketicheskie tvoreniya* [Marc le Moine. The Ascetic Works]. Sergiyev Posad, Svyato-Troitskaya Sergieva lavra Publ., 2013. 232 p.
7. Meyendorff John, Protopriest. *Zhizn i trudy svyatitelya Grigoriya Palamy. Vvedenie v izuchenie* [Introduction à l'étude de Grégoire Palamas]. Saint Petersburg, Byzantinorossica Publ., 1997. 480 p.
8. Origen. *O molitve* [On Prayer]. Yaroslavl, Tip. Gub. zem. upravly, 1884. 178 p.
9. Patrin V.G. K istorii sporov o vozniknovenii «molitvy Iisusovoy» [To the History of Disputes About the Origin of the "Jesus Prayer"]. *Mir Pravoslaviya* [The World of Orthodoxy], 2006, no. 6, pp. 173-186.
10. Patrin V.G. «Kamen pretknoveniya»: Uchenie o molitve ko Khristu u Origena v kontekste genezisa praktiki "molitvy Iisusovoy" ["The Stumbling Block": Origen's Teaching on Prayer to Christ in the Context of the Genesis of the Practice of the "Jesus Prayer"]. *Mir Pravoslaviya* [The World of Orthodoxy], 2012, no. 8, pp. 330-354.
11. Popov K.D. Blazhennogo Diadokha (V-go veka) episkopa Fotiki Drevnego Epira, uchenie o molitve Iisusovoy i ob otnoshenii podvizhnikov k vrachevaniyu telesnykh bolezney [The Teaching of St. Diadochus (5th Century) Bishop of Photika of Ancient Epirus on the Jesus Prayer and the Attitude of Ascetics to the Cure of Bodily Diseases]. *Trudy Kievskoy dukhovnoy akademii* [Proceedings of the Kiev Theological Academy], 1902, vol. 3, no. 12, pp. 651-679.
12. Tertullian Kvint Septimiy Florens. *Apologetik. K Skapule* [Quintus Septimius Florens Tertullianus. Apologeticus. Ad Scapulam]. Saint Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2005. 256 p.
13. Uchenie dvenadtsati apostolov [Didache. The Teaching of the Twelve Apostles]. *Pisaniya muzhey apostolskikh* [The Writings of the Apostolic Fathers]. Moscow, Izdatelskiy sovet RPTs Publ., 2003. pp. 41-63.
14. Adnès P. Jésus (prière à). *Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique*. Vol. 8. Paris, Beauchesne, 1974, pp. 1126-1150.
15. Callistus et Ignatios Xanthopouloi. Methodus et Regula cum Deo accuratissima. *Nicephori Callisti Xanthopuli Ecclesiasticae historiae libri XVIII*. Parisius, Migne, 1865, cols. 636-812. (Patrologia cursus completus. Series graeca; vol. 147).
16. *Concilia Africae a. 345-525*. Turnhout, Brepols, 1974. 425 p.
17. Guillaumont A. Le problème de la prière continue dans le monachisme ancien. *L'expérience de la prière dans les grandes religions. Actes du Colloque de Louvain-la-Neuve et Liège (22-23 novembre 1978)*. Louvain-la-Neuve, s.n., 1980, pp. 285-293.
18. Hausherr I. *Noms du Christ et voies d'oraison*. Roma, Pont. Institutum Orientalium Studiorum, 1960. 314 p.
19. Heiler F. *La prière*. Paris, Oxford University Press, 1931. 533 p.
20. Ioannes Climacus. Scala paradisi. *Sancti patris nostri Joannis Scholastici, vulgo Climaci, abbatis montis Sina Opera omnia*. Parisius, Migne, 1860, cols. 583-1248. (Patrologia cursus completus. Series graeca; vol. 88).
21. *La doctrine des douze apôtres (Didachè)*. Paris, Les Éditions du Cerf, 1978. 228 p. (Sources chrétiennes; no. 248).
22. *Les Apophtegmes des Pères: collection systématique, chapitres I-X*. Paris, Cerf, 1993. 452 p.
23. *Les Apophtegmes des Pères: collection systématique, chapitres X-XVI*. Paris, Cerf, 2003. 417 p.
24. *Marc le Moine. I. Traités*. Paris, Cerf, 1999. 428 p.
25. Patrin V. Méditation (meletē) dans les Apophtegmes des pères. *Travaux et mémoires*, 2019, vol. 23, no. 1, pp. 693-696.
26. Regnault L. La prière continue "monologistos" dans la littérature apophtegmatique. *Irénikon*, 1975, vol. 47, pp. 467-493.
27. Rigo A. Le formule la preghiera di nell'Esicasmo athonita. *Cristianesimo nella Storia*, 1986, vol. 7, no. 1, pp. 1-18.
28. Rigo A. La preghiera di Gesù. *Parola, Spirito e Vita*, 1992, vol. 25, pp. 245-291.
29. Schultze B. Untersuchungen über das Jesus Gebet. *Orientalia Christiana Periodica*, 1952, vol. 18, pp. 319-343.
30. Tertullianus. Apologeticus adversos gentes pro christianis. *Quinti Septimii Florentis Tertulliani*,

presbyteri carthaginiensis, opera omnia. Parisius, Migne, 1844, vol. 1, cols. 305-604. (Patrologia cursus completus. Series latina; vol. 1).

31. Un moine de l'Église d'Orient. La prière de Jésus. Sa genèse et son développement dans la

tradition byzantino-slave. *Irénikon*, 1947, vol. 20 (3), pp. 249-273, vol. 20 (4), pp. 381-421.

32. Wellington J. *Christe Eleison! The Invocation of Christ in Eastern Monastic Psalmody c. 350–450*. Berne, Peter Lang Edition, 2014. 241 p.

Information About the Author

Viacheslav G. Patrin, Candidate of Sciences (Theology), PhD (Greek History and Culture), Director, Center for Training Church Specialists of the Volgograd Eparchy, Chapaeva St, 26, 400012 Volgograd, Russian Federation; Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, patrin.viacheslav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6376-5076>

Информация об авторе

Вячеслав Геннадьевич Патрин, кандидат богословия, PhD (греческая история и культура), директор, Центр подготовки церковных специалистов Волгоградской епархии, ул. Чапаева, 26, 400012 г. Волгоград, Российская Федерация; доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, patrin.viacheslav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6376-5076>